

Георгий Звездин

Звездин Георгий Борисович родился в 1978 г. в Перми. Военный моряк, позже – рабочий завода. Победитель II межрегионального фестиваля литературных объединений «Глубина» (Челябинск, 2008). Публиковался в журнале «Воздух», «Урал-Транзит», в «11:33» (Малой антологии уральской поэзии, Екатеринбург, 2008). Резидент товарищества поэтов «Сибирский тракт», участник литературного клуба «А-Либитум». Участник АСУП-3. Живёт в Перми.

Филологическая маркировка стихов Г.З.

Традиции, направления, течения: абстракционизм, абсурдизм, футуризм, экспрессионизм, рок-поэзия, голосовая поэзия.

Основные имена влияния, переключки: А. Рембо, В. Маяковский, Э. Багрицкий, Ф.Г.Лорка, американские поэты-битники, российские рок-поэты.

Основные формальные приемы, используемые автором: тонический стих, верлибр, джазовая ритмизация (создание ритма посредством ключевых слов), рефрены, ирония, гротеск, карнавализация, дискретный поток сознания, алогизм смысловой конструкции, соединенной ассоциативными связями, столкновение массовой культурной и молитвенно-поэтической лексики.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: заклинательность, молитвенные образы, мотивы смерти, вбирающее смерть и противостоящее ей женское начало.

Творческая стратегия: ассоциативно ритмизованная карнавализация смерти.

Коэффициент присутствия: 0,35

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

О себе

Я понимаю, что имеют в виду, когда говорят: мучительно больно за бесцельно прожитые годы. И все-таки мне есть что вспомнить.

Пару раз меня хватало на то, чтобы купить билет в никуда. Что берут с собой в этих случаях? Нечто идентичное из мира вещей. А вы носили с собой за плечами священные скинии? Билл Хейвуд, например, когда оставил свой родной Солт-Лейк-Сити, взял с собой шахматную доску и боксерские перчатки. А я взял Библию, Бхагавад-Гиту и кассету с «Роллинг стоунс». Похоже, я искал свою религию. Похоже, я ее нашел. «Я был здесь», – вот все, что хочет сказать человек. Но слишком много остается между ним и самой жизнью неназванным. Но художник короткой вспышкой бытия может вырвать из тьмы несколько образов. И он говорит за себя и за всех: я был здесь. Искусство не бесполезно.

О работе

Коллеги полагают, что я должен стесняться своей биографии. Да, я работал в зоопарке и оперном театре. Не тенором, нет. И даже поливал клумбы у торгового комплекса. Но, по крайней мере, я не извдал такой высоты падения, как менеджер по продажам. На работе я развлекаюсь тем, что рассказываю коллегам рассказы Хемингуэя как нечто такое, что произошло со мной. Так я вживаюсь в литературу.

О жене

Однажды я пристально посмотрел на жену. И сказал ей: «Я знаю, кто ты». Она улыбнулась и спросила: «Ну и кто же?» – «Ты что-то такое, что приобщает меня к тайнам мироздания». Ее лицо исказилось.

О сыне

Пожалуй, я готов к мировой славе. Но мне надо быть осторожным, чтобы не затмить славу сына.

О родителях

Я сын офицера. Родители – Звездин Борис Павлович и Звездина Любовь Тимофеевна. Мама работала телеграфисткой. После школы поступил в военно-морское училище во Владивостоке. Свежий ветер с Берингова пролива, 360 градусов чистого горизонта. Но за отсутствие воли я был отправлен в нижние миры, в тело неквалифицированного рабочего.

Стихи

Читать начал очень поздно, и если для некоторых «Портрет Дориана Грея» – это школьное чтение, то я для себя сделал это открытие недавно. И так во всем. «Позднее мужание – вот причина причин весомее моей мошонки» (самоцитата).

Однажды я позвонил незнакомой женщине, прочитав объявление в газете, в рубрике «знакомство». В объявлении было написано: нужен настоящий мужчина. А меня всегда это волновало, и я набрал номер. Женщина сняла трубку, и тут началось стихотворение.

В. КОЧНЕВ. ИЗ ЗАМЕТОК О Г. З.

Гоша – поэт-рабочий. Он делает вагонетки. У него горящие глаза и военная выправка, на правой руке полустертая татуировка – якорь (память об учебе в военно-морском училище). Гоша, по настоянию родителей (отца, полковника), пытался стать инженером связи, но бросил училище и путешествовал по стране, жил на каких-то чердаках и подвалах, на «вписках», однажды даже в монастыре, ездил по Сибири и по Уралу. Есть фотография, где он – худой восторженный юноша с длинными, буквально рассыпанными (не боюсь штампа) по плечам волосами и гитарой. Глаза его сверкали. «Я был просто уверен, что стану однажды рок-звездой, что чудо вот-вот случится, – говорит он. – Я репетировал по шесть часов в день, но из этого ничего не вышло. Все ждал, когда найдутся люди по духу, и с ними все само собой организуется, все искал их, но они так и не появились».

Гоша вырос на Камчатке. Пошел в военно-морское училище по совету родителей, но через четыре года из училища был выгнан. Через год восстановлен и снова выгнан. Поступил на историка в Новосибирск, но, не проучившись и полгода, был отчислен и уехал в Пермь.

Вернувшись в город, в котором родился, Гоша работал на дорожной укладке, строителем, грузчиком, смотрителем за животными в зоопарке, подсобным рабочим в оперном театре.

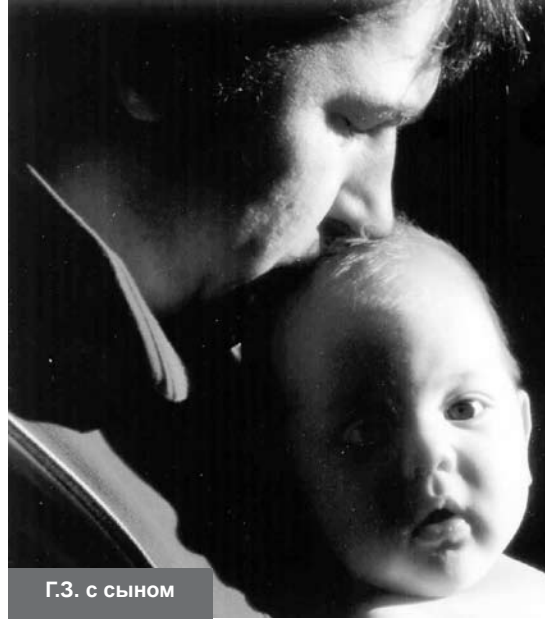
Стихи писал с юности, но мечтал стать не поэтом, а рок-музыкантом (мечтал долго, вплоть до 30-ти), но не получилось. В юности также отличался легким нравом и поведением, в училище постоянно получал выговоры, оставался на отработки – красить стены, белить потолки и т.п.

Испытывал различные нравственные метания, поиски себя. Хотел служить человечеству. В шесть лет плакал, боясь, что мир, оставшись без надлежащего присмотра, пойдет под откос...

Около двадцати пяти, получив расчет на стройке, внезапно сорвался из города и поехал на Таймыр, имея с собой только гитару и Библию в рюкзаке. В районе Сургута деньги закончились, но путь был продолжен пешком и автостопом (хотя все встречные не советовали – говорили, что добираться так до Таймыра – безумие). Один из подвозивших водителей посоветовал пойти в монастырь:

– Делать ты ничего не умеешь, специальностью не владеешь, но хочешь, как я понял, как-то служить человечеству... Монастырь – самое для тебя место...

Вскоре по пути и попался один из монастырей, в который пришел с целью остаться и в котором пробыл, отбывая и отдыхая неделю, а потом вместе с крестным ходом пошел в Екатеринбург, к мученику Николаю, но, не дойдя нескольких

Г.З. с сыном

километров, рассорился с духовными особами и снова в одиночку добирался до Перми на электричках.

К стихам пришел внезапно в возрасте почти тридцати – произошло это наложением двух вещей, двух встреч: знакомством со стихами африканских поэтов (сборник, купленный у букиниста) и личным знакомством с пермским поэтом Ярославом Глущенковым.

На сборищах поэтов он появился как-то внезапно несколько лет назад. Его выдавали горящие глаза (опять эти горящие глаза, то и дело вспыхивающие из темноты повествования!) и постоянный восторженный бред. То он хотел идти читать Баратынского в детские сады, то организовывать рабочую партию троцкистов. Гоша всегда оживлял сборища вялых, если честно, литераторов, вливал свежую, бодрящую кровь. Сперва он не думал писать стихов – в его планах было нести свет поэзии массам, читать чужие вирши с эстрады, читать классику проходим на улице. Однажды на вечере памяти Чичерина он, размахивая, в своей манере, плавно рукой, декламировал Пушкина «Пророка», – неформалы, пьяные люди в черных одеждах, пришедшие послушать регги и рок, развалившись в маленьком темном, прокуренном узком и длинном, похожем на вагон зале, оценили «шутку» и поддержали его аплодисментами... Позже он и сам взялся за перо.

Гоша лишен системного филологического образования, он – самоучка. Но самоучка в высшем смысле этого слова, он смотрит на жизнь широко и ловко жонглирует парадоксами. Гоша – поэт по способу жизни. Гоша верит в утверждение, в обретение рая на земле (словно разлагающее дыхание культуры XX века его не коснулось).